

Игорь Немкевич

Особенности прокламирования белорусской государственности в 1918-1919 годах

Ситуация вокруг Косово, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и других конфликтных регионов чрезвычайно актуализировала проблему национально-государственного самоопределения народов, а также историю распада старых империй и становления новых. Зачастую опыт истории приносит оправданное недоверие в межгосударственные отношения. Его осмысление позволяет последовательно устранять основания для такого недоверия, а также избегать новых ошибок, встраиваясь в процессы современной международной интеграции.

Проблемы белорусского национально-государственного самоопределения активно изучались в советской историографии. Достаточно плодотворно продолжают работать в этом направлении и современные исследователи, не ограничиваясь при этом только советской формой такого самоопределения. Юридические аспекты белорусского самоопределения изучены гораздо скромнее. Отсутствуют публикации, специально посвященные анализу актов, прокламирующих создание белорусских республик (БНР, БССР-1, БССР-2, а также и нынешней Республики Беларусь). Данная статья представляет результаты историко-правового анализа первых конституционных актов молодой белорусской государственности – учредительных документов Белорусской Народной Республики и советского Манифеста Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси (1 I 1919 г.).

Вызванные мировой войной события 1917 г. создали относительно благоприятные условия для подъема национального движения и его победы в борьбе за создание белорусского государства. Первый Всебелорусский съезд (Конгресс), созванный в декабре 1917 г., засвидетельствовал политическую готовность белорусского народа к практической реализации национальной идеи и созданию собственной государственности¹. Разгон

¹ *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1, рэдкал. А. А. Каваленя [і інш.], Мінск 2011, s. 11*

съезда большевиками, сформировавшими незадолго до его открытия Областной исполком Западной области и фронта без участия белорусов и не признававшими существования белорусского вопроса, не позволил этому представительному форуму осуществить белорусское национально-государственное самоопределение.

Новой попыткой такого самоопределения явилось провозглашение весной 1918 г. в условиях временной оккупации Беларуси немецкими войсками Белорусской Народной Республики (БНР). Впервые за всю историю существования белорусского народа была не только сформулирована идея национальной государственности, но и сделаны практические шаги по ее реализации². В силу ряда причин, преимущественно геополитического характера, инициаторы создания БНР не смогли добиться суверенитета и международного признания провозглашенного ими государства. Тем не менее, даже непродолжительное по времени существование БНР заставило большевиков изменить свое отрицательное отношение к идее белорусского национально-государственного самоопределения. После восстановления своего контроля в Беларуси кремлевские большевистские лидеры в самом конце 1918 года решают провозгласить Белорусскую Советскую Республику, чтобы, как пояснял принятое в Москве решение местным большевикам их руководитель А. Ф. Мясников (Мясникян), «(...)замкнуть цепь всех советско-самоопределяющихся образований»³. Последние должны были выступить в роли временного «буфера» между революционной Россией и пока еще не втянутыми в мировую революцию соседними в ней странами.

„Игру в независимые республики”, когда, по признанию И. В. Сталина, «...мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе»⁴, большевистское руководство продолжило слиянием в конце февраля 1919 г. Белорусской и Литовской советских республик в нежизнеспособное образование ЛитБел. В связи с занятием большей части территории Литвы и Беларуси польскими войсками летом 1919 г. Литовско-Белорусская республика де-факто прекратила свое существование. Поэтому летом следующего, 1920 г., когда советские войска вернулись в Беларусь, было принято решение о повторном провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии.

Следовательно, процесс белорусского национально-государственного самоопределения в 1917-1920 гг. включил несколько в разной степени

---

² *Ibidem.*

³ В. А. Круталевич, *Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г.)*, Минск 1979, с. 135.

⁴ *Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину. 22 сентября 1922 г.*, „Известия ЦК КПСС” 1989, nr 9, с. 199.

успешных попыток и отразился, соответственно, в принятии нескольких различных по форме уставных актов, декларировавших создание государственности.

Драматические перемены в геополитических обстановке обусловили „пошаговое” законодательное оформление провозглашения БНР: оно потребовало принятия одного за одним трех уставных актов. Очередность этих „шагов” невольна (по причине различных по времени, но одинаково серьезных изменений политической ситуации) копировала процесс последовательного принятия четырех Универсалов Украинской Центральной Рады.

В Уставной грамоте к народам Беларуси 21 II 1918 г., как и во Втором украинском Универсале, шла речь о неотъемлемом праве нации на полное самоопределение, реализуемого путем созыва Учредительного собрания. Для этого оба документа учреждали временную „народную власть”. Во Втором Универсале „единым высшим органом революционной демократии Украины” провозгласила себя Центральная Украинская Рада, как „избранная украинским народом через его революционные организации”; говорилось о том, что Рада будет дополнена „представителями других народов, проживающих на Украине”⁵. В Первой Уставной грамоте таким органом объявлял себя Исполнительный Комитет Совета Первого Всебелорусского съезда, „пополненный представителями революционной демократии национальных меньшинств”⁶. Оба документа информировали о создании временных правительств: Генерального Секретариата в Украине и Народного Секретариата Беларуси.

Вторая Уставная грамота 9 III 1918 г. провозглашала Белорусскую Народную Республику и „постановляла о государственном строе Беларуси и о правах и свободах ее граждан и народов”⁷. Важнейшие законы БНР должен был утвердить Учредительный Сейм Беларуси, созываемый на основах всеобщего равного прямого избирательного права с тайным голосованием по пропорциональной системе. До его созыва законодательная власть отдавалась Раде (Совету) Всебелорусского Съезда, исполнительная и административная – Народному Секретариату Беларуси, назначаемому Радой и ответственному перед ней. Гражданам БНР гарантировалась свобода слова, печати, собраний, забастовок, союзов, безусловная свобода совести, неприкосновенность личности и жилья. Народам БНР предоставлялось право

⁵ *Історія української Конституції*, упоряд. А. Г. Слісаренко, М. В. Томенко, Київ 1997, s. 96.

⁶ *1-я Уставная Грамота к народам Белоруссии*, [w:] Ф. Турук, *Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белоруссов*, [репринтное издание], Минск 1994, s. 111.

⁷ *2-я Устауная грамата да народаў Беларусі*, [w:] Ф. Турук, *op.cit.*, s. 112.

на национально-персональную автономию, их языки объявлялись равноправными. Отменялась частная собственность на землю, которая без выкупа передавалась тем, кто на ней работает. Леса, озера и недра земли объявлялись собственностью государства. Вводился восьмичасовой рабочий день. По своему содержанию и структуре этот конституционный акт напоминает принятый в Украине 20 XI 1917 г. Третий Универсал, включавший все перечисленные выше положения. В белорусский акт не были включены лишь положения Универсала об отмене смертной казни и развитии местного самоуправления. Если в Универсале, далее, в очередной раз говорилось об автономии Украины в составе Российской федерации, Вторая Уставная грамота не затрагивала вопрос об отношениях с другими государствами, в том числе с Россией. Не уточнялся и вопрос о государственной территории. Эти вопросы были решены уже в Третьей Уставной грамоте БНР.

Условия Брестского мирного договора свидетельствовали о том, что его подписанты проигнорировали выявленную белорусами политическую волю к самоопределению. Земли Беларуси оставались предметом торга в геополитических комбинациях. Политика большевиков, приведшая к столь плачевной для Беларуси ситуации, заставила лидеров белорусского движения пересмотреть отношение к своей прежней стратегической цели – государственной автономии в составе демократической федеративной России. По той же причине в январе 1918 г. от курса на федерацию вынуждена была отказаться и УЦР, заявив о независимости украинского государства в Четвертом Универсале.

25 III 1918 г. белорусская Рада проголосовала за независимость, оформив свое решение о провозглашении БНР независимым и свободным государством, а также о разрыве „старых государственных связей” текстом очередной – Третьей Уставной грамоты⁸. Кроме того, в документе давалась оценка подписанному в Бресте „чужим правительством” трактату, который „убивал насмерть белорусский народ, деля землю его на части”. Грамота информировала о намерении правительства БНР поставить перед заинтересованными сторонами вопрос о пересмотре той части Брестского договора, которая касалась Беларуси, и самостоятельно подписать мирное соглашение со всеми воевавшими государствами. Важное конституционное значение имела включенная в акт норма, определяющая государственную территорию БНР: закреплялся принцип такого определения – численное преобладание белорусского населения; был приведен и конкретный перечень территорий. Подобным образом, заметим, определялась государственная территория УНР в тексте Третьего Универсала. Наконец, объяв-

⁸ 3-я Устаўная грамата Рады Беларускае Народнае Рэспублікі, [w:] Ф. Турук, *op.cit.*, s. 116-117.

ля о независимости БНР, Акт 25 III подтверждал права и свободы граждан и народов Беларуси, провозглашенные Уставной грамотой от 9 III 1918 г. Аналогичное положение содержал и Четвертый Универсал.

Следовательно, создание Белорусской Народной Республики декларировалось принятием трех уставных конституционных актов – Уставных грамот. Прокламируя государственный суверенитет и независимость белорусского государства, документы определяли его территорию, основы государственного устройства и правового статуса населения. При разработке Уставных грамот БНР были использованы тексты уставных актов Украинской Центральной Рады.

Первым правовым актом, прокламирующим создание белорусской советской республики, явился „Манифест Временного Рабоче-Крестьянского Советского Правительства Белоруссии”.

25 XII 1918 г. Сталин проинформировал ответственных работников Белнацкома о принятом ЦК РКП (б) решении о необходимости провозглашения белорусской республики⁹. Среди поручений наркома, скорее всего, присутствовало и задание подготовить проект соответствующего учредительного документа. Исследователи единодушны в том, автором текста Манифеста был Д. Ф. Жилунович – главный секретарь Белорусского национального комиссариата при Наркомнаце РСФСР, редактор его органа „Дзянніца”, избранный накануне рассматриваемых событий председателем Центрального бюро белорусских секций РКП (б). Об этом свидетельствуют не только воспоминания участников провозглашения БССР, но и сам стиль документа. В послевоенных работах сообщалось о создании на совещании в Наркомнаце 27 XII специальной комиссии для подготовки Манифеста. Однако еще в 1979 г. в своем монографическом исследовании, посвященном рождению Белорусской советской республики, В. А. Круталевич отметил, что эти сведения не подтверждаются сохранившимися документами¹⁰. Разумеется, с содержанием проекта ознакомился Сталин и, по свидетельству Жилуновича, внес в него некоторые поправки¹¹. Современный белорусский исследователь Е. Барановский информирует о наличии оригинала документа с правками Сталина в фондах бывшего Центрального партийного архива ЦК КПСС в Москве¹². К сожалению, имеющиеся документы не позволяют уточнить вопрос о том, состоялась ли эта правка до или после совещания 27 XII. Наконец, 29 XII Сталин своей хрестоматийно известной телеграммой информировал Мясникова: „Сегодня выезжают в Смоленск белорусы.

⁹ *Гісторыя беларускай...*, s. 392-393.

¹⁰ В. А. Круталевич, *op.cit.*, s. 130.

¹¹ *Ibidem.*

¹² Я. Бараноўскі, *Хроніка нараджэння Беларускай ССРР*, „Звязда”, 3 I 2017, s. 6.

Везут с собой Манифест”. Проект Манифеста, следовательно, был подготовлен во временном промежутке 25-29 XII 1918 г.

Сравнительный анализ актов, декларировавших создание новых советских республик, не оставляет сомнений в том, что основным источником при разработке белорусского проекта служили тексты Манифестов временных революционных правительств Украины (29 XI), Эстонии (29 XI), Литвы (16 XII) и Латвии (17 XII), опубликованные 22 XII в органе Наркомнаца – газете „Жизнь национальностей”. Даже если Жилунович не получал соответствующего прямого указания Сталина, являясь ответственным работником комиссариата, он был знаком с процессом провозглашения этих республик при непосредственном личном участии Народного комиссара. В своих статьях „Украина освобождается” (1 XII), „С Востока свет” (15 XII), опубликованных в качестве передовых и в газете „Правда”, а также в статье „Дела идут” (22 XII) Сталин неоднократно отмечает роль Манифестов временных советских правительств („знаменитый Манифест”, „исторический Манифест”, „как Евангелие”) и даже цитирует некоторые из них¹³. В свете сказанного идентичность структуры и совпадение содержания постановляющей части белорусского и четырех принятых ранее Манифестов не вызывают удивления.

Обращают на себя внимание прямые текстуальные заимствования из опубликованных в газете Наркомнаца документов. Сравним аналогичные пункты постановляющей части:

„Вся земля помещиков и кулаков, церквей, монастырей и духовенства с живым и мертвым инвентарем, а равно все леса, воды и недра земли переходят в собственность всего рабочего народа Литвы...”¹⁴ и „Вся земля помещиков и крупных землевладельцев, монастырей, церквей, костелов и духовенства, со всем живым и мертвым инвентарем, а также все леса, воды и недра земли становятся достоянием трудового народа Белоруссии”¹⁵;

„Местные советы обязываются охранять народное достояние от расхищения и виновников привлекать к строжайшей ответственности”¹⁶ в Манифесте Временного революционного рабочего правительства Литвы – и „Местные Советы обязаны оберегать народное достояние от расхищения

¹³ И. В. Сталин, *Сочинения*, Т. 3, Москва 1953, s. 175, 179, 180, 184.

¹⁴ *Манифест Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы*, [w:] В. С. Мицкевич-Капсукас, *Революция в Литве (1918 г.) и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства*, s. 51, http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1440445077&archive=&start_from=&ucat=& (26 I 2016).

¹⁵ *Маніхвэст Часовага Работніча-Сялянскага Савецкага Правіцьяльства Беларусі*, [w:] У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін, *На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920 гг.)*, Мінск 1999, s. 117.

¹⁶ *Манифест Временного...*, s. 51.

и порчи, привлекая виновных к ответственности”¹⁷ в белорусском Манифесте;

„Немедленно вводится 8-часовой рабочий день без сверхурочных часов для всех рабочих, и в силу вступают все декреты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики об обеспечении рабочего класса”¹⁸ в Манифесте Советского правительства Латвии – и „Устанавливается восьмичасовой рабочий день без сверхурочных часов работы и одновременно входят в силу все декреты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики по обеспечению рабочего класса”¹⁹ в белорусском акте.

Выявленное подобие актов „самоопределения трудящихся” позволяет говорить о наличии если не общего для всех этих документов соавтора, то, вне всякого сомнения, общего их главного редактора (который, заметим, являлся при этом и главным их „заказчиком”, а также и „издателем”).

Привезенный в Смоленск текст Манифеста обсуждался перед его подписанием 1 I 1919 г. членами сформированного правительства и Центрального Бюро партии белорусских большевиков, что не исключает возможности редакционной его правки. На фрагменте оригинального текста, подписанного членами Временного правительства, воспроизведенном в пятом томе „Энцыклапедыі гісторыі Беларусі”, в частности, зачеркнуто (рукой Мясникова?) слово „революционное” в названии документа²⁰.

Манифесты временных советских правительств, рассматриваемые в данной статье, имели идентичную структуру, включавшую различные по объему текста преамбулы, изложенную по пунктам нормативную часть и характерный для революционных прокламаций-воззваний агитационный элемент, представленный большим количеством лозунгов и призывов „к оружию” и „к борьбе”. Пропагандистский компонент белорусского Манифеста своим объемом значительно превышает компонент конституционно-правовой, что делает его структуру более похожей на Манифесты временных правительств Украины и Литвы.

В преамбуле Манифест возвышенным слогом пролетарского писателя Тишки Гартного (псевдоним Жилуновича) описывал страдания „горемычной” Беларуси до прихода Красной Армии, а также успехи „Великой Октябрьской революции в России”, которая зажгла „всемирный огонь” мировой революции. Приход последней („в лучах солнца”) и позволил „рабочим, крестьянской бедноте и красноармейцам” Беларуси „совместно с трудящимися

¹⁷ *Маніхвэст Часовага...*, s. 117.

¹⁸ *Манифест советского правительства Латвии*, [w:] *Документы внешней политики СССР*, Т. 3, Москва 1959, s. 618.

¹⁹ *Маніхвэст Часовага...*, s. 117.

²⁰ *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т.*, Т. 5, Мінск 1999, s. 70.

народами России, Литвы, Украины и Латвии” стать „полноправными хозяевами свободной, независимой Белорусской Социалистической Советской Республики”²¹. Необходимо подчеркнуть, что в Манифестах временных правительств всех советских республик, включая белорусский, принципиально не упоминалось право на самоопределение наций в качестве основания для государственного суверенитета; проигнорированы термины „нация” и „народ” (акты советских правительств Украины, Эстонии и Латвии даже не затрагивали национальный вопрос совсем). Подчеркнутая особенность не является случайным совпадением: „прокламированием” новых „буферных” советских республик большевистский ЦК реализовал подмену права самоопределения наций, закрепленного Декларацией прав народов России, идеей „самоопределения трудящихся”.

Конституционно-правовой компонент документа включал учредительные нормы, касавшиеся суверенитета и международной правосубъектности прокламируемого государства, организации власти в нем, политического режима, равноправия трудящихся различных наций, собственности и 8-ми часовой продолжительности рабочего дня.

Манифест провозглашал Беларусь „свободной”, „вольной” и „независимой” республикой. Заметим, что определение „независимая”, трижды использованное в тексте документа, отсутствовало в остальных Манифестах. Обособление от РСФСР в качестве самостоятельного государства не означало, однако, ослабления тесного союза с советской Россией: самоопределение белорусских трудящихся осуществлялось „совместно с трудящимися народами России, Литвы, Украины и Латвии” и „именем Красной армии”; здравицей в честь советской России заканчивался конституционный акт Временного правительства. Желая представить буферные советские образования на своих западных рубежах в качестве суверенных республик, большевистский ЦК советовал составителям Манифестов не высказываться однозначно о формах союза прокламируемых государств с РСФСР. Об этом писал, например, в своих воспоминаниях о создании Манифеста временного правительства Литвы его автор В. С. Мицкевич-Капсукас²². Вероятно поэтому, декларируя международную правосубъектность нового государства (объявляя его независимость „перед всем миром”), акт белорусского Временного правительства не определял форму государственного союза БССР с советской Россией. Но два аспекта их взаимоотношений были сформулированы в документе достаточно определенно.

В 10-м пункте нормативной части Манифеста говорилось о распространении на БССР действия декретов РСФСР, в чем можно видеть не только

²¹ *Маніхвэст Часовага...*, s. 115.

²² В. С. Мицкевич-Капсукас, *op.cit.*, s. 49.

передачу части суверенных прав органам власти союзного государства, но и вполне рациональный в тех условиях шаг по заимствованию опыта его законодательной деятельности. Гораздо более существенным ограничением декларированного „перед всем миром” суверенитета была передача военной функции государства российской Красной армии, которой Манифест „вручал” защиту советской Беларуси и „великих завоеваний Социальной Революции”²³.

Носителями суверенной власти в БССР объявлялись Советы рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов. Учреждая советскую форму государственной власти в прокламируемой республике, Манифест не уточняет места Временного правительства в системе этой власти. Для сравнения: учредителем временного правительства Украины в Манифесте этого правительства указан советский ЦИК; в нем также говорится о предстоящей передаче власти Всеукраинскому съезду Советов. Также напомним, что вопрос о структуре, компетенции и легитимном порядке формирования органов власти вполне внятно был изложен в Уставных грамотах БНР, принятых в феврале 1918 года. Белорусское Временное правительство, „поставленное на посты решением последней конференции коммунистической партии”²⁴, выступает в Манифесте в роли высшего законодательного органа; его компетенция и перспективы существования не поясняются. Аналогичным образом вопрос организации власти был решен и в Манифестах временных правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Разумеется, все Манифесты при этом в первых пунктах своих нормативных частей решительно упраздняли власть оккупационных органов и объявляли вне закона структуры местных национальных республик, в частности, „продажную буржуазную белорусскую раду”.

Будучи учредительным актом нового государства, Манифест содержал ряд положений конституционного характера, касающихся его политических и экономических основ. Пункт пятый нормативной части документа не оставлял сомнений в характере политического режима: устанавливается „революционный порядок”, и все контрреволюционные выступления „будут беспощадно караться по всей строгости революционных законов”²⁵. Прямо, однако, о введении режима диктатуры пролетариата в белорусском акте, в отличие, к примеру, от Манифеста Временного правительства Латвии, не говорилось. Заметим далее, что в актах всех названных временных советских правительств, включая белорусское, отсутствуют положения, определяющие основные права и свободы граждан. Белорусский Манифест

²³ *Маніфэст Часовага...*, s. 117.

²⁴ *Ibidem*, s. 116.

²⁵ *Ibidem*.

только декларирует равноправие „рабочих и крестьян и вообще трудящихся всех национальностей”²⁶. Отмеченная особенность принципиально отличает Манифесты „буферных” советских республик от учредительных актов национальных республик, провозглашенных в 1917-1918 годах. Вторая Уставная грамота БНР, к примеру, декларировала свободу слова, печати, собраний, забастовок, союзов, „безусловную” свободу совести, неприкосновенность личности и помещений²⁷.

Седьмой и восьмой пункты Манифеста объявляли всю землю, леса, воды и недра земли „достоянием трудового народа”, а железные дороги, пути сообщения и средства связи, фабрики, заводы и банки – „достоянием рабочих и бедного крестьянства Белоруссии”²⁸. Национализированные средства производства становились, таким образом, важнейшей экономической основой государства. Эти правовые установления, считает В. А. Круталевич, „...весьма интересны для понимания экономического суверенитета, хотя этот термин тогда и не применялся”²⁹. Впрочем, порядок пользования „трудовым народом” перечисленными ресурсами не уточнялся. Следует напомнить, что национализацию земли, лесов, озер и недр земли ранее уже провозгласила Белорусская Народная Республика, уточнив при этом, что „земля переадаецца бяз выкупу тым, хто самі на ёй працуюць”³⁰. Фактическим повторением учредительной нормы Второй Уставной грамоты БНР было и установление о восьмичасовом рабочем дне, приведенное в десятом пункте Манифеста Временного советского правительства.

Органической частью суверенитета является территориальное верховенство государства. Государственное обособление, следовательно, предполагает территориальное размежевание. Нередко, поэтому, акты, декларирующие государственный суверенитет, содержат нормы, учреждающие территориальное верховенство (например, Декларации о государственном суверенитете республик СССР, принятые в 1990 г.) или уточняющие состав и пределы государственной территории (Третья Уставная грамота БНР, Декларация о провозглашении независимости ССРБ). В Манифестах временных советских правительств, однако, такие установления отсутствуют. Видимо, организаторы „игры в независимые республики” предпочитали не связывать себя конкретизацией этого аспекта государственного самоопределения, оставляя за собой возможность произвольного изменения их „государственных” границ. Возникающие при этом издержки юридического

---

²⁶ *Ibidem.*

²⁷ *2-я Устауная грамата...*, s. 112.

²⁸ *Маніхвэст Часовага...*, s. 117.

²⁹ В. А. Круталевич, *История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.)*, Минск 1999, s. 78.

³⁰ *2-я Устауная грамата...*, s. 112.

и организационного характера не принимались в расчет. Территориальный аспект белорусского советского самоопределения вполне убедительно, на наш взгляд, иллюстрирует такое отношение. Так, местом пребывания Временного советского правительства Литвы Манифест 16 XII 1918 г. называет белорусскую Вилейку. Постановлением же I съезда КП(б)Б о границах БССР 30 XII Вилейский уезд назван частью государственной территории белорусской республики. Две недели спустя 16 I 1919 г. ЦК партии большевиков принимает решение об отторжении от новорожденной республики трех губерний восточной Беларуси, юридически оформленное Первым Всебелорусским съездом Советов.

Одним из проявлений учредительного характера государственной власти является установление названия государства. В конституционном акте Временного рабоче-крестьянского правительства белорусская республика именовалась по-разному: Белорусская Социалистическая Советская Республика, Социалистическая Советская Трудовая Республика Белоруссии, Советская Белорусская Республика, Белорусская Советская Независимая Республика. Авторы Манифеста определенно не задумывались о необходимости юридического закрепления официального названия прокламируемого государства.

Заметим, наконец, что местом принятия Манифеста в его тексте посчитали политически целесообразным указать не Смоленск, а Минск.

Таким образом, „исполненное революционного пафоса”³¹ содержание Манифеста не свидетельствует о тщательной и достаточно полной проработке юридических аспектов прокламирования нового государства. Подобно аналогичным актам временных правительств соседних советских республик, „Манифест Временного Рабоче-Крестьянского Советского правительства Белоруссии” своим нормативным компонентом фактически лишь изменял название существующей областной советской структуры, объявлял незаконными претензии всех других политических организаций на государственное представительство белорусских трудящихся (всех оккупационных властей и „народных министров”) и легитимизировал нахождение в Беларуси войск РСФСР.

Современные исследователи уже давно, неоднократно и справедливо, на наш взгляд, выражали сомнение в легитимном характере провозглашения БССР на партийном съезде. Однако с началом работы Временного правительства новая республика становилась политической реальностью. Обнародованный от его имени Манифест явился, следовательно, первым конституционным актом белорусского советского государства.

---

³¹ В. А. Круталевич, *Рождение...*, s. 148.

Констатируя „директивное провозглашение БССР и не совсем понятный порядок образования правительства”³², следует заметить, что лидеры большевиков считали создание „буферных” республик временным тактическим маневром в интересах продвижения мировой революции на запад. „Это обстоятельство – отмечали Ленин и Сталин в телеграмме Главкому И. И. Вацетису 29 XI 1918 г. – имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск”³³. Поэтому они не спешили обременять себя мерами формально-юридического оформления их государственного строительства.

Содержание Манифеста было призвано обеспечить геополитический и пропагандистский эффект. Весьма скромный конституционно-правовой его компонент выполнял функцию формального атрибута процесса прокламирования новых советских республик и очевидно нуждался в конкретизации. С целью юридического закрепления белорусской советской государственности месяц спустя был созван Первый Всебелорусский съезд Советов.

Итак, исследование проблем белорусского государственного самоопределения знакомит нас с несколькими различными по времени и геополитическим условиям попытками такого самоопределения. Принципиально различными были и политические парадигмы этих попыток.

Первую из них пытались реализовать в 1917-1918 годах участники национально-демократического движения. Сходные общие условия самоопределения украинского и белорусского народов, а также вынужденное (из-за провала первой попытки белорусского самоопределения в декабре 1917 г.) отставание во времени позволили создателям БНР использовать опыт Украинской Рады при разработке своих уставных конституционных актов.

Советский вариант „самоопределения” являлся классическим примером политики большевиков в национальном вопросе: национальный фактор использовался ими в качестве не более чем тактического средства для достижения стратегической цели укрепления политической власти „центра мировой революции”. „Директивное провозглашение” советских „буферных” республик проводилось по единому „алгоритму”, который еще не раз был использован создателями советской империи в будущем. Подмена лозунга самоопределения наций фикцией „самоопределения трудящихся”

³² Р. А. Васілевіч, Т. І. Доунар, І. А. Юхо, *Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі*, Мінск 2001, s. 177.

³³ В. И. Ленин, *Полн. Собр. Соч.*, Т. 37, s. 234.

была оформлена обнародованием подготовленных по общему „лекалу” и под контролем Сталина учредительных документов. Именно они явились основным источником при подготовке акта 1919 г., прокламировавшего создание белорусской советской республики.

Присутствие в историческом опыте контroversийных вариантов самоопределения (БНР и Республика Беларусь VS БССР, СССР и современные формы интеграции Беларуси с Россией) не позволяет нам признать вопрос о национально-государственном самоопределении белорусского народа окончательно решенным, а процесс такого самоопределения – завершенным.

Summary

Ihar Niamkevich

The peculiarities of proclamation of Belarusian statehood in 1918-1919

Belarusian Self-determination process of 1917-1920 included several attempts resulting in different levels of success. This process was reflected in the adoption of several constituent acts of different shapes, which declared state sovereignty.

The historical and legal analysis of constituent acts of Belarusian People's Republic (1918) and of the first soviet Belarusian republic (1919) is presented in this article. The structure and the contents of this acts are analyzed, features are revealed. The historical and legal assessment of the acts is given.

The Bolsheviks replaced the slogan of national self-determination by the slogan of „self-determination of working people”. They opposed attempts of self-determination by the nations of the former Russian Empire. This was done through the proclamation of Soviet national republics. An integral part of this policy was the declaration of the Soviet republic of Belarus on 1 I 1919. This political tactic allowed the Bolsheviks to justify the invasion of the Red Army troops in the regions of national self-determination.

Ihar Niamkevich – dr historii, docent w Katedrze Historii i Teorii Państwa i Prawa Państwowego Uniwersytetu Homelskiego im. F. Skaryny

